

18+

Михаил Трещалин

Житейские истории

Рассказы, миниатюры,
повесть

Михаил Трещалин

**Житейские истории. Рассказы,
миниатюры, повесть**

«Издательские решения»

Трещалин М.

Житейские истории. Рассказы, миниатюры, повесть /
М. Трещалин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981362-6

Этот сборник написан в разные годы жизни автора. Произведения отражают время, в котором они были созданы, и чаяния писателя. Есть весёлые, встречаются грустные, иногда отправляющие читателя в прошлое зарисовки. А есть просто шутки.

ISBN 978-5-44-981362-6

© Трещалин М.
© Издательские решения

Содержание

Михаил Трещалин	6
Житейские истории	7
Рассказы, миниатюры, повесть	8
ШОФЕР И ШОФЕРЮГА	9
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ КОМАНДИРОВАННОГО	12
1	13
2	15
3	18
4	20
5	22
ПОЛЯНЫ	23
Поляна 1	24
Поляна 2	25
Поляна 3	26
Поляна 4	27
Поляна 5	28
Поляна 6	29
Поляна 7	30
Поляна 8	31
Заключительная поляна	32
КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ СУСЛОВ	33
САМОЕ ПЕРВОЕ ВОДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Житейские истории Рассказы, миниатюры, повесть

Михаил Трещалин

© Михаил Трещалин, 2020

ISBN 978-5-4498-1362-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Михаил Трещалин

Житейские истории

Рассказы, миниатюры, повесть

Этот сборник написан в разные годы жизни автора. Произведения отражают время, в котором они были созданы, и чаяния писателя. Есть весёлые, встречаются грустные, иногда отправляющие читателя в прошлое зарисовки. А есть просто шутки.

Михаил Дмитриевич Трещалин родился в СССР в городе Малоярославце Калужской области. Инженер. Первые стихи написал в 12 лет. Прозу стал писать много позже, уже в тридцатилетнем возрасте, пишет для детей и юношества. Есть произведения в жанре научной фантастики и реалистическая проза. Им написан исторический роман «Род», основанный на реальных событиях.

ШОФЕР И ШОФЕРЮГА

А зима-то в 1967 году на тверской земле удалась. Всего вдоволь: и морозы крепкие в январе, такие, что по ночам деревья трещат, и февраль закрутил, замел и без того кривые лесные да болотные дороги. Одним словом, зима удалась...

Виктор Павлович Шинник работал тогда в лесхозе в Кимрах. Возил он хлысты от притока Волги – реки Медведицы, из-за глубинной деревни Окатово, через Неклюдово по лесовозной дороге, а дальше по льду Медведицы и Волги вплоть до нижних складов Кимровского лесхоза. Молевой сплав леса в те годы уже был запрещен, а плотами сплавить заготовленное за зиму не удавалось. Вот и мотались отчаянные водители, накрутив на все колеса цепи, этим вот зимником.

Был конец февраля. Шел шестой час вечера, и уже стало почти темно. Виктор Павлович ехал наугад накатанной колеей по ровному льду. Его тяжелый ЗИЛ с роспуском тянул на себе, по крайней мере, восемнадцать кубов сырого, свежеспиленного, соснового леса. Вдруг, у противоположного берега Виктор Павлович заметил странное темное пятно на льду.

«Кажется, машина, – подумал он, – Зачем бы ей здесь взяться? Там и никакой дороги нет, а она стоит? Нужно посмотреть». Виктор Павлович подумал, что с роспуском он, пожалуй, забуксует на целинном снегу, и решил идти пешком.

Снега было, где по колено, где по пояс. Расстояние, разделявшее его и машину, сокращалось медленно. Он весь взмок от тяжелой ходьбы, когда из темноты ясно вырисовался военный автомобиль ГАЗ-66 с будкой-кунгом. Виктор Павлович крикнул: «Есть тут кто-нибудь?». Никто не отозвался. «Странно, – подумал он, – машина явно военная и брошена на реке. Тут что-то не так». Он подошел к машине, заглянул в кабину – никого. «Тьфу, черт, и чего я сюда перся!» – вслух выругался он, и, как-то машинально, не думая ни о чем, стал обходить машину. Он сразу понял, в чем дело: у заднего колеса лежал солдатик-водитель в одной гимнастерке. Бушлат был подстелен под ним. Его рука была прижата колесом. «Ясно, домкрат спустил, и руку парню прижало. Наверное, замерз уже», – пронеслось у Виктора Павловича в голове.

Поставить домкрат, сделать несколько качков его рукояткой и освободить руку несчастного, было делом минутным, но эти минуты показались Виктору Павловичу вечностью.

«Сейчас, сейчас, милый, потерпи» – говорил он, не соображая, что парень, если еще не умер, то уже давно без сознания.

Потом он тащил парня до своей машины, не помня, как ему вообще это удалось, сбрасывал из кузова вручную огромные бревна и отцеплял роспуск, чтобы гнать, что есть мочи, к людям, теплу, врачам.

Он успел. Володю Зайцева отходили. Он пришел в сознание, лежа в Кимрах в районной больнице. Виктор Павлович приходил к нему все это время, навещал, носил фрукты и домашние пироги с черникой, испеченные его женой специально для этого случая. Потом Володю перевели в Калинин в госпиталь. Уезжая, он обещал писать, да как-то вначале не собрался, а потом неловко стало. В общем, не написал.

После службы в армии Володе Зайцеву сразу повезло. Он не хотел возвращаться в свою деревню в Полесье, а тут предложили поехать в небольшой районный центр поработать шофером на грузовике. Через несколько лет, сдав на второй класс, он сел на новенький автобус ЛАЗ и стал возить пассажиров то в соседние села из райцентра, то работать на городских линиях.

Ему нравилось ездить по городу: сам у всех на виду, и ему все видны. Он закончил вечернюю школу-десятилетку, женился. Тесть и теща помогли, молодожены выстроили хороший дом. Володя стал настоящим хозяином – главой семьи. У них родилась дочь. Забот прибавилось и расходов тоже. Володя, как-то незаметно, стал возить попутных пассажиров из села

в район, беря плату за проезд и не давая билетов. Это иногда приносило ему два-три рубля с рейса. Доход небольшой, но все-таки... Он не задумывался над этим: хорошо – нехорошо – все так делали. И привык он, по-возможности, рвать, где можно, деньги. Кто-то неизвестно при каких обстоятельствах обозвал его шоферюгой. Так и прилипло к Зайцеву это прозвище.

Однажды, он прослышал, что автохозяство собирается строить дом для своих работников. Тут-то Зайцев развернулся во всю прыть. Он продал дом, переехал к теще, а жилище и без того довольно тесное, подал заявление на получение квартиры. На очередь его поставили, а при обследовании жилищных условий, оказалось, что семья остро нуждающаяся.

Через пару лет Зайцевы переехали в новую квартиру, а тут и очередь на машину подошла. Володя купил новенькие «Жигули». В общем, живи и радуйся.

С годами ему порядком надоело крутить баранку теперь уже довольно потрепанного ЛАЗа, и он, при случае, перешел тут же в АТП, работать снабженцем – пока сам строился, да и потом, поразнюхал Зайцев, где и как, что достать. В общем, работал. Вечерами часто на своих «Жигулях» на вокзал к московскому поезду подсакивал – пассажиров подвозил. Все три-пять рублей, сшибет. Правда, осторожно нужно было подвозить, закон вышел «О нетрудовых доходах». Но Зайцева вся милиция знает – не трогают.

В 1987 году, когда разрешили индивидуальную трудовую деятельность, Зайцев взял лицензию, и на лобовом стекле его «Жигулей» появилась надпись «такси» и шашечки. Дело оказалось очень выгодным. Два автомобиля из АТП, которые работали, как такси, списали, а новых не дают: оказывается райцентру такси вообще не положено. Так что частники безо всякой конкуренции стали драть, кто больше сможет. За два километра – три рубля. Вот это тариф! Зайцев, конечно, не отставал. Да и переменялся он, как внутренне, так и внешне: одевается с иголки – все импортное, дорогое, какая-то надменность в глазах появилась. В машину поставил стереофонический «Панасоник» – не то, чтобы музыку сам очень любил, а пассажиров привлечь побольше.

Он стал в открытую говорить, что зарплата снабженца ему вообще-то не очень-то и нужна, но нельзя не работать – пенсию не дадут, по больничному листу не заплатят и тому подобное. А так, такси Зайцева кормит. Да еще как кормит!

Виктор Павлович Шинник, страдая радикулитом, наконец, вышел на пенсию. Он так и работал все эти годы в лесхозе. Последние лет восемь его фотография бесшумно висела на лесхозовской доске Почета. Начальство уважало его, лесхозовцы любили. Проводы на пенсию были трогательные и пышные. Кто-то спросил его: «Виктор Павлович, поработаешь еще?»

– Да нет, хватит, устал. Мы с бабкой уже решили: поедем к дочке Зиночке, к младшенькой, внучка Витюшку нянчить. Зина давно зовет.

Они собрались, продали свой старенький домишко и кой-какой скарб, переехали к дочери. Дочка с мужем и Витюшкой – двухлетним карапузом – жили в райцентре, каких много в средней полосе России. Городок маленький, ничем не привлекательный. Разве что, природа здесь чудесная. Леса грибов, ягод полны, озера – рыбалкой славятся.

Года полтора просидел Виктор Павлович пенсионером. Так и дальше бы сидел, да попросила их соседка – заведующая почтой, поработать хотя бы до лета на почтовой машине, и Виктор Павлович опять сел за руль. Почтовый ГАЗик не то, что его тяжелый лесовоз – не работа, а одно удовольствие, да и на почте его встретили радушно. Так и прижился Шинник в новом коллективе.

Шел к концу декабрь 1987 года. Уже и снег выпал, и мороз под 25 градусов ударил. Все было готово к встрече Нового года.

– Дядя Витя, знаешь, у нас тут неувязка вышла, – сказала заведующая почтой, когда Шинник, развезя газеты и письма по микрорайонам, заглянул в ее кабинет, – из Васильевки

машина за почтой не пришла, а туда две посылки и куча писем. Одна посылка с фруктами – так и пахнет. Отвез бы, порадовал людей – прямо к новогоднему столу поспела бы посылка.

– Это я мигом, слетаю, – ответил Виктор Павлович, – часам к шести дома буду, еще бабке с пирогами помогу. Время есть, и езды-то туда тридцать километров туда – дорога – асфальт до самой Васильевки.

Виктор Павлович, мурлыча что-то под нос, уже гнал машину в обратный путь.

«Ну вот, двенадцать километров осталось», – едва подумал он, как вдруг что-то застучало, загрохотало под кузовом. Проехав с десяток метров, машина остановилась. Шинник вылез из кабины и заглянул под задние колеса. Карданный вал одним концом лежал на дороге. Крестовина лопнула, подшипники рассыпались.

Шинник достал из «бардачка» кусок проволоки, надежно привязал кардан.

«Вот и приехали, – сам для себя громко сказал он и задумался, – без буксира мне отсюда никак не выбраться, а скоро стемнеет, и вполне может ни одной машины не быть, кого еще может на эту дорогу вынести вечером под Новый год. Хреновые, брат, дела».

Он влез в кабину и стал терпеливо ждать. Просидел он так с час. Стало совсем темно. Так никто и не проехал ни в ту, ни в другую сторону. Когда его терпение уже готово было лопнуть, наконец, через заднее стекло в кабину брызнул свет фар. Виктор Павлович машинально взглянул на часы – тридцать пять девятого. «Ну, кажется, к Новому году поспею», – подумал он, вылез из кабины и встал с поднятой рукой на проезжей части дороги.

Зайцев, довольный удачной поездкой к свояку, который за так наполнил ему бак и три канистры бензином, возвращался в райцентр. Еще полчаса и он дома. Можно Новый год встречать. «Панасоник» в полголоса играл что-то веселое. Все прекрасно, лучше не бывает.

Вдруг он увидел на дороге возле грузовой машины человека с поднятой рукой. Остановился

– Слышь, братишка, подбрось до райцентра, кардан оборвался, – попросил Виктор Павлович.

– Я такси, червонец даешь – свезу, – ответил Зайцев.

– Да ты что, побойся Бога, ты ведь шофер и такое шоферу говоришь. У меня и десятки с собой нет.

– Тогда привет, батя, – Зайцев хлопнул дверцей и газанул.

– Ну и шоферюга ты, – крикнул вдогонку Виктор Павлович.

Он долго не мог прийти в себя. За всю долгую шоферскую жизнь такой случай единственный...

Они не узнали друг друга. Было темно, да и столько лет прошло.

Старый шофер сел в кабину, запустил двигатель, включил печку и понемногу успокоился. Он включил выдавший виды старенький транзистор и незаметно задремал. Проснулся Виктор Павлович от ясного боя Курантов. Было полночь. Бой часов передавали по радио.

«С Новым годом!» – послышалось из транзистора.

С Новым годом, Виктор Павлович!..

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ КОМАНДИРОВАННОГО

* * *

Бешеный ритм суетной жизни современного горожанина практически не дает возможности ему остановиться, оглядеться, задуматься. Он лишает нас возможности проанализировать содеянное, оценить, пусть приблизительно, свои поступки и поступки окружающих. Только долгие часы вынужденного бездействия, подаренные нам современным транспортом, позволяют приоткрыть оболочку, под которой спрятаны наши чаяния и самые сокровенные мысли. Эти часы дают нам возможность поделиться нашими бедами и проблемами с незнакомыми людьми без риска, что это приведет к каким-то, хотя бы мало-мальски значительным, последствиям.

Моя жизнь сложилась так, что мне приходится много ездить, много летать по причине служебных командировок.

Часто, те откровения попутчиков, которые не трогают в большинстве случаев черствое сердце современного человека, порождают во мне иногда негодующие, а, порой, добрые ощущения. Эти ощущения и послужили основой для настоящего повествования...

I

Осенний мелкий дождь полоскал город, словно выстиранное белье. От избытка влаги весь камень, кирпич, бетон приобрел мрачный серый цвет.

В здании вокзала «Рязань-2» шел ремонт, и было очень тесно. По случаю отмены летнего расписания и, частично, из-за ремонта дороги, а возможно, еще по каким-то причинам, поезда не ходили весь этот день. Руины из строительных материалов на перроне дополняли и без того унылую картину моего ожидания. «Наверное, такими были вокзалы в войну», – подумал я. Хотелось есть. Я купил черствый пирожок и стакан с мутноватой жидкостью с громким названием «кофе», с отвращением проглотил все это и примостился на подоконнике в ожидании вечерней электрички на Москву. В голове роились мысли, настроение было скверным, утешало только одно: мне удалось купить целый портфель чая, который, к моему удивлению, в Рязани продавался свободно. Так я просидел битых три часа, выходя несколько раз под дождь на перрон покурить, опасаясь при этом, что кто-нибудь сядет на мой кусочек подоконника.

Наполненная светом и теплом электричка подействовала на мое скверное настроение, как бальзам на раны умирающего. Я оживился, вытащил из портфеля, брошенные как попало пачки с чаем, и стал аккуратно складывать их обратно.

– Чай-то грузинский. Можно было на рынке индийского купить с небольшой переплатой, – сказал сидящий напротив меня мужчина лет 50—55, одетый в мокрый помятый плащ военного образца.

– Да не было времени по рынкам ходить, – сказал я, хотя на самом деле понятия не имел ни о рынке в Рязани, ни об индийском чае, что немного дороже государственного. Разговор как-то сам собой завязался, и мы не заметили, как электричка тронулась и отстучала по стыкам рельсов добрую сотню километров. Говорили мы о наболевшем: о плохом снабжении, о национальном вопросе, о зарплате и, вообще о сложностях нынешней жизни.

На каком-то полустанке, а может быть, это был небольшой городок в вагон вошли двое молодых людей и уселись рядом с нами. Один – высокий, изысканно одетый, даже несколько чопорный брюнет, с портфелем-дипломатом в руках сел рядом со мной, другой широкоплечий, среднего роста, круглолицый, с соломенной копной нечесаных волос и нелепой коротенькой бородкой, втащил в вагон какие-то коробки, свертки и сетку-авоську из которой, будто елочные сучки, высывались горлышки от бутылок с пивом, и сел напротив меня. Они ворвались в нашу беседу сразу, особенно не церемонясь.

– Давайте пивка выпьем, свежее, – запросто предложил блондин, – меня Леня зовут.

Он оделил нас бутылками. Мой немолодой попутчик вытащил из портфеля стакан и пол-литра стрелецкой водки, следом появились те самые пирожки, которыми я давился в Рязани на вокзале. Выпили понемногу, съели по пирожку, дружно запили все это пивом. У попутчиков разгорелись глаза, зарумянились щеки. Захмелели. Разговор перешел на армейские темы, может быть сам по себе, а возможно из-за присутствия на скамейке через проход полковника. Это не важно. Важно другое: брюнет, что стало ясно из разговора, работал каким-то экспертом в интoрговской фирме и держался с присущей такого рода людям надменностью, стараясь во всем показать свою эрудицию. Это ему удавалось. Леня, напротив, держался просто, выложил, как на духу, что он художник, что везет на выставку в Москву свои работы, что в семье нелады, что в Афганистане служил десантником. Брюнет сказал, что тоже афганец и десантник. Сказал как-то легко и небрежно.

– А с каким парашютом прыгал? Может быть с РД-2? – спросил Леня.

– Я только с машиной прыгал, – ответил интoрговец, – С РД-2 не приходилось... В разговоре произошла заминка.

– Я пойду покурю, – сказал брюнет и вышел в тамбур.

Леня сразу весь переменялся, даже протрезвел.

– Дядя Толь, дядя Миш, врет он. Не был он в Афганистане и не прыгал он никогда. Наверное, вовсе не служил. Я его на «пушку» хотел взять. РД-2 – это рюкзак десантника. Любой дурак это знает. Зачем он врет?

– Да успокойся Леша, ну врет, и черт с ним, – что тебе детей с ним крестить. Не видишь, какой он «гусь».

– Мне за ребят обидно, за афганцев. Подонок он.

На глаза Лени накатились слезы. Сильный, мужественный парень плакал, плакал навзрыд!

Брюнет покурил, вошел в вагон, взял свой дипломат и, пройдя по проходу, вышел в другую дверь.

2

Поезд Ставрополь – Москва. Не сказать, чтобы чистый, но вполне нормальный для южного поезда вагон. Купе. Верхняя полка. Интересная книга и 36 часов вынужденного ничегонеделанья. Проводница разносит чай. Позвякивают ложечки в стаканах, вторя стуку колес. Купе наполнено мягким светом люминесцентных ламп. Попутчики мои – немолодой, деревенского вида мужчина в новеньком спортивном костюме, женщина лет сорока пяти – сорока семи, довольно полная, с рыжими, похоже, крашеными волосами, уложенными в высокую прическу, и аляпистом халате, совсем не подходящем к ее возрасту по длине, сидят на нижней полке, по-юношески прижавшись друг к другу. Они раскладывают на столике нехитрую дорожную снедь: жареную курицу, яйца, сваренные в крутую, хлеб, рыбу. Тут же появляется бутылка, заткнутая самодельной пробкой. «Наверное самогон», – соображаю я. Прямо напротив них сидит девушка, одетая со вкусом, хотя и скромно. Она читает французский журнал.

– Давайте с нами ужинать, – говорит рыжая женщина, – да и по рюмочке неплохо выпить перед сном. У нас чача.

– Спасибо, я только чайку выпью, – отвечает девушка.

– Только перед отъездом в Ставрополе поужинал, да и не пью я, а вы ешьте, пейте, не возбраняется, – отвечаю я и утыкаюсь в книгу. Так проходит примерно пол часа. Я читаю, девушка, сидящая под моей полкой, пьет чай и смотрит в окно на быстро угасающий закат южного вечера. Мужчина и женщина, немного выпив из своей бутылки, ужинают и ведут неторопливый разговор. Разговор вкратце сводится к одной проблеме: как он там (видимо на конечной станции следования) дотащит вещи, которых у него очень много.

– Я поеду с тобой до самого конца и провожу тебя туда, – говорит женщина.

– Тебя там не оставят ночевать и могут вообще не пустить, – возражает ее собеседник.

– Ничего, на станции как-нибудь переночую, – настаивает она.

Как мужчина, так и женщина уверенно скрывают место, которое является концом их путешествия.

Это «там» невольно интригует меня, хотя я понимаю, что подслушивать не прилично. Да и не подслушиваю я, а невольно слышу, продолжая читать. Мысль же о том, что это за «там» настолько овладевает мной, что я невольно перестаю читать и только слушаю и украдкой смотрю на собеседников. Я замечаю в их поведении что-то такое, что позволяет сделать вывод: «Они не муж и жена». Уж очень плотно прижимается он к ее плечу и слишком часто оказывает ей знаки внимания, то, пододвигая чай, то, разворачивая упаковку с сахаром, то, окидывая ее нежным, можно сказать томным взглядом. Да и она на это как-то уж больно кокетливо улыбается.

Входит проводница, собирает пустые стаканы.

– Может быть, кто еще чая хочет, пока горячий? – спрашивает она.

– Будьте добры мне два стаканчика, – прошу я. Острый ресторанный ужин в Ставрополе дает о себе знать, хочется пить. Проводница уходит, а я спускаюсь с верхней полки и сажусь рядом с девушкой в ожидании чая.

В беседе между мужчиной и женщиной возникает пауза, причиной которой служу я.

– Давайте познакомимся, Михаил, – предлагаю я, стараясь заполнить кратковременное молчание, – еще более суток до Москвы ехать вместе.

– Саша, – с суровой улыбкой отвечает мужчина.

– А меня зовут Зинаида Павловна, нет, пусть для всех вас я буду просто Зина, – говорит его попутчица.

– А я Женя, – тихим голосом отзывается девушка и виновато смотрит на меня, – я в Москву еду, понимаете, я весной МГУ закончила, факультет иностранных языков, фран-

цузский. Распределилась в Нальчик, а там меня преподавать физкультуру в младших классах назначили, у меня 1 разряд по гимнастике, ну, вначале, как бы дополнительно к урокам французского, а к 1 сентября выяснилось, что часов иностранного языка для меня в школе вообще нет. Вот я и еду в Москву разбираться в министерство. Может, перераспределят куда-нибудь.

Проводница принесла мне чай. Я с удовольствием отхлебнул из стакана.

– Угощайтесь, домашние, – предложила Зина.

– Спасибо, – ответил я и взял маленький, очень аккуратно слепленный пирожок. Разговор сам по себе наладился.

– Вы, наверное, из командировки? – глядя на мой выдавший виды портфель в углу под столом, спросил Саша.

– Да, в Ставрополе был, за радиодетальями ездил. Добыл! Без этой мелочи стоит очень дорогой и нужный станок. Теперь наладим!

– А у меня беда! Мать очень тяжело больна. Думаем, умрет скоро. Ездили навещать. Вообще, мне что-то последние годы крепко не везет. – Он посмотрел на Зину, как бы спрашивая ее разрешения посвятить нас всех в свои неудачи и, увидев в ее глазах одобрение, продолжил, – Знаешь, сына Серегу, как в армию проводил, да узнал, что в Афган попал, так запил. Крепко запил! Допился до того, что с работы выгнали, и Анка моя меня бросила, а уж 19 лет прожили. Взбесилась баба на старости лет. Я, конечно, виноват: раза три ее погонял, как следует, спьяну. Да разве я один? Со всяким бывает.

– Да не надо, Саша, об ней. Стерва она, – перебила его Зина.

– Не надо, так не буду. Дело-то не в ней. И без бабы прожить можно. Вот с Серегой беда. Он трактористом до армии был, ну, а в Афгане танкистом стал. Как-то осенью, теперь уж пять лет назад это было, залезли они с дружкой в афганской деревне в сад, что ли яблочков попробовать, а эти паразиты, чтоб им, – он осекся, смущенно посмотрел на Женю и продолжал, – избили афганцы Сережу моего чуть не до смерти. Он в госпиталь попал, у него что-то с нервами сделалось, стал, чуть что, так в драку. Комиссовали его. Домой приехал – на трактор сел. По зиме трактор бросил, а воду не слил, двигатель испортил. Ему механик пригрозил: «Платить будешь за трактор». Он же кинулся на механика и побил его. Тот хотел в суд подать, да мы его уговорили, не подал. Серега же стал пить. Да и что ему делать? С трактора его сняли, он в мелиорацию устроился, стал какой-то насос обслуживать, но и там что-то натворил.

– Он еще дядьку-то, Василия Ивановича тоже здорово побил, – добавила Зина.

– Да стал драться, чем попало и с кем придется. Даже на меня несколько раз кидался. Я ему говорю: «Смотри, сын, полезешь, убью, не погляжу, что родной». Сказал-то сгоряча, при людях, а он, немного погодя, приходит пьяный, денег просит и опять в драку. Я, тоже поддатый был, и бутылка на столе стояла, ужинал. Не выдержал я, да и пырнул его кухонным ножом. Убить не убил, а порезал сильно. Ну, его в больницу, а меня в ментовку. Дальше, как по нотам: суд, статья за покушение на убийство. Схлопотал пятерик – три строгого режима, два – химии. Вот сейчас под Тамбовом на химии и прибываю. Мать присмерти – вот и отпустили на недельку домой. Съездил, мать навестил, а теперь обратно. Зина, скажем, невеста моя, вместе со мной ездила. Вернусь, нужно одному-другому менту ставить. Обещал, когда отпрашивался. По закону-то, не положено с химии ездить. Вот и нагрузился, как верблюд, жраньем и вином. Как все это дотащу – не знаю, – он жестом показал на узлы, рюкзаки и огромный чемодан, стоящий под окном у его полки.

– Сказала же, Саш, провожу тебя до самой спскомендатуры. Значит, и волноваться нечего, – оборвала его Зина.

– Да, не веселые дела, – как бы подытоживая Сашин рассказ, заметил я, – давайте лучше спать укладываться. Утро вечера мудренее. Я отправился на свою верхнюю полку. Женя выключила свет, и купе погрузилось в ночь.

Я лежал на спине, подложив руки под голову, слушал стук колес и размышлял об услышанном. Из головы не выходила женина проблема. Она казалась мне гораздо сложнее, чем те трудности, которые выпали на долю Александра. Ей еще много придется походить по кабинетах, постоять в очередях, послушать всяческих нравоучений должностных лиц, прежде чем она чего-нибудь добьется.

Отпущенные судьбой 36 часов дороги окончились. Поезд подкатил к перрону Курского вокзала. Я помог Саше и Зине вынести их вещи из вагона. Им удалось поймать носильщика. Я попрощался с ними и вместе с Женей дошел до входа в метро. Тут наши пути тоже разошлись.

3

На московских вокзалах с добрых давних времен сохранилась замечательная традиция: поезда для посадки подают задолго до отправления, и пассажиры не спеша, устраиваются в вагонах, раскладывают чемоданы и сумки по полкам, даже в тех случаях, когда ехать предстоит каких-нибудь полчаса. Для меня же эти минуты особенно приятны. Вагон неподвижен. Все вокруг чужие, это все равно будто никого вокруг нет. Можно достать заветную тетрадь, положить ее на портфель, портфель на колени и писать, писать ровными и стройными строчками. Мысли идут покойно, ясно, так, будто и нет вовсе житейской сумятицы и суеты. Это конечно иллюзия, суета осталась за двойными стеклами вагона. Вот, качнется вагон, поезд тронется с места, застучат по рельсам колеса, мысли прервет дорожным вопросом попутчик, и, возможно родится новый сюжет для этой истории.

На этот раз новый сюжет не возник, а вдруг вспомнилось...

Стояла нестерпимая июльская жара. Поезд Новочугуевка – Хасан медленно пробирался по извилистой одноколейке, с трудом переползая с одной сопки на другую. Вагоны этого поезда были таковы, что я счел нужным описать их подробнее.

Pulman образца 1904 года вполне мог служить вагон-штабом командарма Блюхера, и с той самой поры ни разу не был в ремонте. Вентиляция отсутствовала, окна едва пропускали свет, так давно они не мылись. Духота сизыми клубами висела под потолком.

Пассажиры моего купе: старик и две древние старушки, разложив бесчисленное количество узелков, медленно ели, доставая из грязной сумки все новые припасы. За окном уже давно стояла ночь, а они и не собирались спать, несмотря на то, что в купе был погашен свет. Я завернулся в серую застиранную простыню, улегся на бок и заснул. Сколько я проспал, не знаю.

Проснулся я оттого, что поезд стоял. Купе поглотила ужасная темнота. Сквозь окно едва угадывались колючие кусты элеутерококка. Духота была нестерпимой. Я спустился с полки, чуть не наступив на старушку, сидевшую внизу и продолжавшую жевать, наощупь вышел из купе и пробрался к выходу из вагона. Дверь была растворена. Я вышел и вдохнул дурманящий запах южной ночи. Что-то влекло меня вперед, и я пошел, пошел напролом сквозь колючие заросли в плотной, как черная тушь, темноте. Я совершенно перестал ощущать время, и сколько я шел не знаю, только глаза стали привыкать к мраку, а, может быть, стало светлее, и я перестал наткаться на кусты и деревья. Неведомо откуда, навстречу мне из ночи возник старец. Именно старец, а не старик! Одет он был в рубище, борода ниже пояса, сед до белизны. От волос его происходило свечение, и возможно было разглядеть его изможденное, но очень доброе лицо с глубокими голубыми очами. Он держал на цепи медведя, который тоже излучал сияние. В глазах зверя читался покой и доброжелательность. «Да это же Сергей Преподобный», – сообразил я.

– Не пугайся, сын мой, я послан передать тебе Его волю, – сказал он, указывая жестом, чтобы я следовал за ним, – Он не желает терпеть более грехов ваших, и от ныне и присно всякий будет отмечен за грехи свои.

Он раздвинул заросли винограда и глазами указал идти в образовавшийся проход. Я сделал шаг и очутился на тротуаре возле Гумма. Глазам моим открылась брусчатка Красной площади и трибуны под стенами Кремля. Площадь была пуста, только на трибунах стояли руководители страны и высокие гости. От улицы 25 октября сплошной волной надвигалась демонстрация трудящихся. Люди несли флаги, транспаранты, портреты вождей. Они приближались размеренно и бесшумно, как в немом кинематографе. Меня охватил ужас.

«Ну да, конечно, – пронеслось в голове, – у них рога.

Все люди, и те, что стояли на трибунах, и те, что шагали по площади, и даже вожди на портретах, на головах несли рога. Вот рожки тоненькие, будто у молоденького козленочка,

вот – бараньи закрученные, на портрете с изображением вождя – лосиные, а на другом – олени, да такие могучие, достойные не всякого вожака стаи. Лишь кое-где мелькают смешные круглые головы, да и те все больше жмутся к Гумму. Все сплочено единым порывом. Над площадью летит немое «Ура!!!». Я, увлекаемый колонной, тоже двигаюсь к собору Василия Блаженного и, по мере приближения к нему, также кричу беззвучное «Ура-а-а» и кожей головы ощущаю два, пока еще робких бугорка над ушами. Толпа ликует, радуется, рукоплещет вождям. Толпа шагает уверенно, ровным размашистым шагом в ритме марша. В этом ритме раскачиваются флаги, транспаранты, портреты, рога! Людской поток все прибывает. Всюду рога, рога, рога!!! Меня всего захватывает ритм толпы и несет за собой. Мои еще неясные бугорки с треском лопаются, и у меня уже тоже рога! Я пытаюсь кричать: «Ура», а получается: «Рога-а-а, рога-а-а, рога-а-а». Сразу за собором я попадаю в полную черноту...

Поезд стоит. Сквозь окна едва угадываются колючие кусты элеутерококка. Я лежу на боку, ноет онемевшее плечо. По лицу и спине струится пот, простыня подо мной мокрая и липкая. Внизу сморкается и что-то ворчит старуха.

4

Поезд №48 Москва – Ленинград шел с опозданием. Я почему-то связывал это опоздание со словами проводницы, которая при посадке, посмотрев на мой билет, шутя, сказала: «Бологое – настроение плохое».

– Что Вы, напротив, настроение очень хорошее, – ответил я на эту шутку и подумал, – Теперь уже не долго, и я дома, в моем милом неустроенном городке. Там меня всегда ждут дорогие мне люди.

Межобластной вагон, какие ходят из Москвы в Ленинград днем, оборудован мягкими креслами, наподобие самолетных, с откидными спинками. Я люблю такие вагоны. С одной стороны – откидной столик в спинке впереди стоящего кресла создает уютный уголок для чтения, а с другой – все пространство вагона до самой двери открыто моему взору.

Соседка слева у окна сидит, прижавшись к подлокотнику кресла. У нее в ногах огромные импортные сумки-пакеты, набитые всякой всячиной. Я безошибочно определяю, что она офицерская жена и едет не в Ленинград, а в Бологое, вернее, в один из военных городков рядом с ним.

Пассажиры, набравшись терпения, смирно сидят на своих местах. Кто-то читает, кое-кто вяжет, вытягивая шерстяную нить прямо из сумки, кто-то ест, иной тихо беседует с соседом или соседкой. Все, как всегда... Да и опоздание этого поезда, вот уже больше года, как вошло в норму. Иногда кто-нибудь из пассажиров встанет, пройдет по проходу, при этом зацепится за стоящую у кресла сумку-лентяйку, опрокинет ее и, извинившись, скроется в тамбуре, тем самым на несколько секунд нарушив однообразие вагонной жизни. Я тоже выхожу покурить. По дороге цепляю и ловлю налету злополучную лентяйку, извиняюсь. В тамбуре тесно и накурено. Двое солдат в парадных мундирах, очень высокого роста десантник в малиновом берете и полевой форме и маленький, курносый веснушчатый паренек в кожаной куртке пьют по очереди из стопки зеленого стекла водку и запивают «фантой». Они беседуют. Вернее сказать каждый старается перекричать всех остальных, не стесняясь в выражениях. Мат так и сыплется из их уст. Не ругается, пожалуй, только парень в кожаной куртке. Разговор идет о прошедшей службе в армии.

Я закуриваю и забиваюсь в угол рядом с громадой десантника.

– Что слышно про Степанокерт у вас? – обращается он ко мне.

– Тоже, наверное, что и у вас. Радио и телевиденье у всех одно, – отвечаю я.

– Я как раз оттуда, на дембель. Там настоящая гражданская война. Они между собой дерутся, а наши парни гибнут. Вот как, дядя!

– Ну, как я должен командовать такими же ребятами, как я, – говорит паренек в куртке (он, видимо служил младшим командиром), – противно мне все это. А что делать? Армия есть армия.

Он говорит это всем присутствующим, а мне кажется, что самому себе, и наливает еще одну стопку. Пьет. Голоса солдат поднимаются до крика. Понять, что они хотят сказать, невозможно. Я докуриваю папиросу и возвращаюсь в вагон.

Проехали Калинин. Двое солдат в парадной форме нетвердой походкой проходят по вагону и скрываются в противоположном тамбуре. Следом идут десантник и паренек в кожаной куртке. Они садятся на свои места недалеко друг от друга, продолжая очень громкий разговор.

«Я спал с женой начальника политотдела, – говорит веснушчатый паренек так громко, что слышит весь вагон, – да, да я девятнадцатилетний мальчишка спал с женой начальника политотдела». Он пьян.

Моя соседка смеется.

«Что же тут смешного, – думаю я, – он говорит правду. Он такой некрасивый, маленький, а начальник политотдела, скорее всего, статный майор или подполковник с широкими плечами. Какова женщина?».

Демобилизованные воины продолжают шуметь, то и дело ходят по вагону.

«Когда же мы, наконец, приедем в мой любимый Ленинград?», – восклицает десантник. Поезд опаздывает уже почти на два часа.

5

Я люблю возвращаться из Москвы скоростным поездом «Аврора». Прельщает меня его чистота, бешеная скорость и интеллигентные пассажиры, без огромного количества вещей. Дело в том, что билет на этот поезд почти вдвое дороже, чем на пассажирский, и не всякий человек позволит себе такую роскошь. Мне же оплачивается проезд. Я – командированный! Можно проехаться с шиком.

Этот случай произошел еще тогда, когда «Аврора» был составлен из обычных межобластных вагонов, а не из купированных, какие используются теперь. Вообще-то, на этот раз ничего не произошло. Даже в Бологое поезд пришел точно по расписанию.

Я сидел на месте, указанном в билете и ничего не делал. Просто рассматривал пассажиров. К последнему креслу возле двери в противоположном ряду подошла монахиня. Она была одета в черное сатиновое платье почти до пят, по подолу украшенное узкой зеленой лентой. Дешевое пальто из серо-зеленого твида она перекинула через левую руку. В правой руке она несла тряпочную сумочку. ее круглую маленькую головку прикрывал черный шелковый платок, по краям которого черным шелком гладью были вышиты огромные розы.

– Мое место занято. Я не помешаю Вам, если сяду здесь? – сказала она немолодому мужчине.

– Садитесь, садитесь, пожалуйста, – ответил он. Монахиня повесила свое пальто на крючок рядом с креслом. Она села и достала из сумочки книгу «откровения Иоанна Богослова», раскрыла ее и стала читать. Иногда она зевала, и всякий раз крестила рот. Иногда она отрывалась от чтения и окидывала зорким взглядом вагон. Она негодуяще посмотрела, когда по радио исполнялась очередная рок-песня. Музыка прервалась, и стали передавать сообщение о том, что под Степанокертом разбился военно-транспортный самолет.

Монахиня встала и перекрестилась большим православным крестом. Глаза ее наполнились скорбью и сочувствием к погибшим. Она вновь посмотрела на сидящих в вагоне людей. Наши взгляды встретились.

«Да ведь она красива, и на ее лице нет никакой косметики», – мелькнуло у меня в голове, – «Что привело вас в монастырь?», – подумал я, глядя ей в глаза. Я услышал ее ответ, хотя ее губы не шевелились. Слова были адресованы только мне. Больше никто ничего не слышал.

– Комолая я, нельзя мне, комолой, среди рогатых жить! – она села и погрузилась в чтение.

Бологое 1989 г.

ПОЛЯНЫ

*Свет очей моих, Валентина
тебе, и только тебе посвящаю
я эти строки.*

С тех пор, как написан этот рассказ прошла почти целая жизнь. Теперь я, умудренный жизненным опытом человек, полагаю, что имею право не только иметь собственное мнение по этому жизненно важному вопросу, но могу поделиться им с читателями.

Любовь – это совсем не расхожее слово, как в ранние годы жизни некоторым кажется. Это, если хотите свет очей, дар природы или Бога. Он дается человеку только однажды, если дается вообще. Встречаются люди, так и прожившие свою жизнь без любви.

Мне повезло. Я повстречал свою любовь, и, не смотря на все препятствия, что выпали мне в жизни, я сумел сохранить её в чистоте до старости. Юная, нежная девушка мне и сейчас кажется такой же, как в те далекие годы. Я не устаю любить ее день и ночь, час за часом, год за годом. Она свет очей моих на всю жизнь.

Читатели мои! Я желаю вам встретить свою любовь, нести ее с чистой нежностью всю жизнь, и беречь ее больше жизни. Она того стоит!

Поляна 1

Большой зеленый грузовик «ЗИС», груженный глыбами известняка, полз по ухабистой дороге, окруженной огромными деревьями, сквозь кроны которых фантастическим кружевом рассыпалось солнце. Мотор надрывно ревел, надувая щеки: «У-у-у, у-у-у» и вдруг, сбросив газ, издавал резкий рычащий звук: «Дрын, дрын, дрын». Одолев подъем, грузовик выбрался на поляну с песчаным холмом посередине. Поляна была покрыта огромными яркими тарелками одуванчиков, и на их фоне песчаный холм казался белым. Солнце дарило тепло всему, что пронзалось его лучами. С одуванчика на одуванчик перепархивали желто-зеленые бабочки-лимонницы, такие большие, как и сами цветы.

Водитель «ЗИСа» посмотрел на песчаный холм, поляну, огромные деревья и голубое небо. По небу плыли плавно и неторопливо тонкие концентрические окружности величиной с трехкопеечную монету. Они покрывали пространство небольшими кучками и были похожи на маленькие мыльные пузыри, только не объемные, а плоские.

«Ну вот, теперь я знаю, что это облака плывут, а раньше я никогда не видел их», – вслух подумал водитель...

Он бросил веревочку, за которую тащил свой, хотя и большой, но все же игрушечный грузовик и вывалил камушки из его кузова на кучу песка в центре крошечной полянки в зарослях вишняка.

Водителю было не больше трех лет от рода и, по-видимому, он страдал малокровием из-за недостаточно хорошего питания, отчего в глазах у него плыли «мухи», которые он принимал за облака.

Солнце щедро дарило свет и тепло старому саду, такому же старому бревенчатому дому, малышу, песчаной куче и всему миру.

Поляна 2

Довольно большая лужайка, поросшая мягкой коротенькой, словно стриженной травкой, приютившаяся на перекрестке трех улиц: Верхней, Нижней и Почтовой была занята срубом дома, который время от времени менял свой облик, так как его увозили на место строительства, но на этом месте вырастал, почти как гриб, новый сруб, и ватага мальчишек порой даже не замечала подмены. Сруб как сруб – всегда из свежих отесанных бревен, приятно пахнущих сосновой смолой.

С утра до позднего вечера над поляной был слышен шум веселых детских голосов, сопровождающий всяческие игры и озорство.

Со стороны поляна казалась беспорядочным скоплением детей. На самом деле здесь существовал строгий, хотя и не писанный закон. Все играющие были объединены в возрастные группы. Сруб принадлежал мальчишкам 10—12 лет.

Закон этот почти никогда не нарушался. Правда, был один курьезный случай.

Первоклассник, маленький ростом мальчик с большими черными глазами, шупленький, говорливый и озорной, явился к срубам в новенькой форменной фуражке. На эмблеме, в самом центре, красовалась буква «Ш» – школьник.

«Швед, швед», – начали дразнить мальчишку старшие ребята. Мальчишка насупился и молча, полез по неубранным еще лесам сруба на стену. Он забрался на самый верх, лихо прошел по балке и уселся на ее середине, словно на коне.

«Сами вы шведы, – гордо огрызнулся он с чувством превосходства высоко сидящего человека, – кто пройдет по балке, как я. Эх, вы, трусы!».

Чернявый, тощий, длинный и какой-то угластый мальчик с очень круглой кличкой «Ляка» не спеша, подошел к срубам, ловко взобрался на стену и в три шага по балке очутился возле первоклассника. Он снял с его головы фуражку, прежним путем, ловко балансируя руками, как канатоходец, сделал поворот назад, спрыгнул со стены внутрь сруба. Укрывшись в его углу, он помочился в фуражку, прежним путем добрался до мальчугана и напялил мокрый вонючий картуз на голову, так, что скрылись лоб и уши.

«Не хвались, швед», – посоветовал он.

Моча текла по волосам, шее, за воротник. Мальчик плакал. Поляна хохотала.

Поляна 3

Эта поляна словно с холста Куинджи – ромашковая поляна на опушке леса. Коротенькая июньская ночь. Странно, но еще заливаются соловьи, хотя, кажется, им пора сесть на гнезда. Беседка на опушке, рядом неширокая речка горбится черной водой, дорога с уснувшей пылью бесшумно вбегает на деревянный мост. Смуглая, черноволосая, тоненькая девушка и молодой паренек с густыми непослушными вихрами, обнимающий ее стройный стан. Им хорошо! Молодость! Любовь! Нежность! Кажется, будто время остановилось, будто они только и существуют в этом мире: он, она, опушка, беседка, поляна в ромашках да черная вода речки. Поляна слушает их шепот, биение их сердец в ночи...

Но нет, время неумолимо бежит вперед, и вот, та черноволосая девушка давно уже стала полной, раздражительной мамашей. Жаль, но в жизни ей не очень повезло. Отец ее доченьки оказался скверным человеком, точнее «вором в законе». Он все больше по тюрьмам да по зонам. Не стала она ждать его, выскочила замуж второй раз за первого встречного мужичка, тихого, беззлобного, но за горького пьяницу. Получит муженек получку, придет домой поддатенький, жена выгребет у него из карманов оставшиеся деньги и завтра выгонит вон, а в следующую зарплату опять приголубит и оберет.

Да и поляна теперь уж не та: ромашки повывелись, речка обмелела, беседка разрушилась, а вихрастый мальчишка уехал, стерся из памяти.

Поляна 4

Небольшая, укрытая ото всех ветров поляна в чаще Варяжского леса, та, что по весне благоухала ландышами, теперь пожелтела и лишь редкие осенние цветы вспыхивали искорками в увядающей траве. Стояла та короткая, но прекрасная пора, что зовется бабьим летом.

– Тебе хорошо со мной? – спросил он.

– Да, очень хорошо, любимый, – ее зеленые миндалевидные глаза улыбались.

– Вот видишь, это все моя родина: мой лес, моя маленькая милая речка.

– Как хорошо, что мы пришли сюда, правда?

– Правда, милая моя невеста. Можно я буду так тебя называть?

Она только улыбнулась в ответ, и глаза ее подернулись грустной поволокой. Она задумалась: «Какой еще будет их супружеская жизнь?». Ей стало немного страшно.

Они сидели прямо на траве и молчали. Ласковое осеннее солнце, как-то особенно золотило ее и без того светлые волосы. В Варяжском лесу горела багрянцем листвы осень, а в сердцах обоих цвела весна, и чудилось, будто поляна вот-вот оденется белыми колокольчиками ландышей.

Поляна 5

Он хотел сделать сюрприз своим близким. За хорошую службу ему объявили отпуск, но он ничего не писал об этом ни родителям, ни молодой жене, с которой до ухода в армию прожил лишь несколько дней. Приехав в большой город, он с огорчением узнал, что жена в командировке в далекой деревне на берегу полноводной реки.

Добравшись до ближайшей от той деревни железнодорожной станции на тормозной площадке товарного вагона, он по проселочной дороге, пешком, за ночь дошел до желанного места.

Сюрприза не получилось. Она ждала его. Какое-то неизвестное чувство подсказало ей, что он придет. Зато потом была поляна – редкостная поляна с мягкой травой и огромным количеством неизвестных ярко-желтых цветов, таких, что казалось, будто само солнце отражается в осколках зеркала. С трех сторон к поляне подступал бор, и по ее краю струилась прозрачная, словно хрустальная река, заросшая вдоль берегов цветущими лилиями. После более чем годовой казарменной жизни ему казалось, что это сказка. Они валялись среди дивного запаха трав и цветов, смотрели на небо. Она щекотала его губы и нос тонким стебельком. Он смеялся.

– Мне кажется, я так раньше не любил тебя никогда, – шутя, произнес он обычную чепуху нежности и восторга.

– Не любил? Значит, лгал мне? – с упреком спросила она.

– Что ты? Ты меня не поняла вовсе.

– Я все поняла, я все поняла, – капризно ответила она.

Кажется, на первый взгляд, произошла небольшая размолвка, и, вскоре, все забылось. Они снова радовались, смеялись, любили.

Отпуск кончился. Он уехал. По-прежнему приходили частые и теплые письма, полные девичьего вздора, но появилась какая-то трещинка. От письма к письму она расширялась и расширялась. К концу его службы между их сердцами образовался непреодолимый глубокий овраг.

После демобилизации их свидание было коротким, потом он несколько раз приезжал, пытался что-то сделать, но преодолеть овраг не сумел. Они разошлись, казалось, навсегда.

Остерегайтесь полян с неизвестными желтыми цветами, подобными отражению солнца в осколках зеркала, они коварны. Особенно остерегайтесь, если вы молоды. Пусть не встретятся на вашем пути такие поляны!

Поляна 6

Десять долгих лет ему не встречались никакие поляны. Асфальт шумных городов вытеснил их. Правда, они мелькали довольно часто за окнами вагонов, проплывали под крыльями самолетов, но это были чужие поляны. Его полян среди них не было.

Поляна 7

Поляна у Соборной горки была укрыта толстым пушистым ковром снега. Она была чиста и бела, на ней не было ни единого следочка. Снег валил валом и укрывал ее все толще и толще.

Он встретил ее не на этой поляне. Он пришел к ней прямо домой. Улица, дом, двор, подъезд совершенно не изменились за эти годы, только он помнил их теплыми, летними, а сейчас стояла зима.

Он застал ее дома. Она была рада. На маленьком столике в беспорядке валялись журналы. Сверху – польский сборник «Кобетта». Настольная лампа под зеленым абажуром создавала уют. Она сидела в кресле, он в дальнем углу дивана у двери.

– Как ты живешь? Не замужем? – спросил он.

– А как ты?

– Женат, дочь осенью в школу пойдет.

Он женился тогда, после их разрыва, как-то по-дурацки, со злостью на нее, на себя, на весь белый свет. Правда, теперь все у него было: работа, квартира, должность, дочь, да и сама столица, казалось, вот-вот ляжет у его ног. Он преуспевал в делах.

– Работа неплохая, должность. В общем, все нормально.

– Жену любишь?

Он помрачнел немного и промолчал.

– А дочку?

– Дочку люблю, – ответил он.

– Тебе с ними хорошо?

– Да, хорошо, – машинально ответил он.

Вдруг, будто что-то тупое и тяжелое ударило его в затылок.

– Зачем я лгу тебе. Плохо мне! Я люблю тебя, все эти годы люблю! – он ринулся к ней, примостился на подлокотнике кресла, целовал ее. Она отвечала на его поцелуи.

За окном падал снег, все теплее укрывая город. Он падал и на поляну у Соборной горки. Поляна спала и видела восхитительный сон.

Поляна 8

В небе застыло уж не то ласковое европейское солнышко, согревающее все живое и наполняющее землю плодородием и радостью. В зенит поднималось палящее, ослепительно-яркое тропическое светило, от которого все ищет спасения в тени у воды.

«Жаркий сегодня выдастся день, – подумал он, – и деваться некуда. Дела все сделаны, а уехать домой можно только вечером, надо же, как редко тут проходят поезда». Он попросил на проходной хлебоприемного пункта удочки, накопал червей и пошел вон из поселка в сторону синеющих вдали сопок, под склонами которых где-то протекала Дау-Би-Хе. Дорога шла через луга. Такого великолепия трав он еще никогда не видел. Местами трава покрывала его с головой. Яркими пятнами то здесь, то там, рассыпались скопления цветов: жарки, желтые и оранжевые лилии, пурпурные гвоздики. Он вышел на поляну, где трава была, не так высока и доходила лишь до колен. Поляна была сплошь покрыта фиолетово-бархатными ирисами. словно кто-то изрезал в мелкие лоскутки праздничную рясу митрополита и разбросал их по траве.

«Жаль, что не видит она», – подумал он и, бросив удочки, стал собирать плотные высокие стебли, увенчанные фантастическими цветами. Он собирал их, а когда опомнился, то понял, что букет не возможно будет унести в руках, так он велик. перевязав букет ремнем от брюк, он посмотрел на часы и понял, что пора возвращаться, иначе можно опоздать к поезду.

В большой дальневосточный город поезд прибыл еще ночью. Он поймал такси, приехал домой, осторожно, чтобы никого не будить, открыл дверь, вошел, набрал ведро воды, поставил в него ирисы и водрузил ведро на стол.

Она спала и улыбалась во сне. Он прилег на край постели подле нее.

– Какой ты холодный, – сквозь сон прошептала она.

– Я привез тебе мою поляну.

Она открыла глаза, взглянула на стол и прошептала: «Я еще сплю».

Поляна благоухала в их комнате.

Заключительная поляна

С тех пор прошло немало лет, но в их комнате по-прежнему живет та ирисовая поляна. К ней присоединились поляны из одуванчиков, ромашек, ландышей, но нет среди этого букета ярко-желтых цветов, похожих на отражение солнца в осколках зеркала. В этот букет вплелись их дети, заботы, седины, их неувядающая любовь. Возможно, вольются новые, яркие, радостные и солнечные поляны.

А вы, встретили ваши поляны? Спешите, ищите, и, надеюсь, найдете.

Бологое 1988 – 2013 годы

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ СУСЛОВ

Эта история произошла в теперь уже далекие времена застоя, когда хлеб десятилетиями не менял цены и стоил 14 копеек. Когда в магазинах не было ни мяса, ни рыбы, да вообще мало что было. Ваш покорный слуга, автор этих строк в то время работал главным специалистом Главного управления «Главмехживэлектро» в Государственном Комитете «Госкомсельхозтехника» РСФСР. В те времена было принято давать организациям сокращенные непроизносимые названия. Более всего это касалось министерств. Вы полагаете увидеть красивое высотное здание в центре Москвы, куда я каждый день отправляюсь на работу. Нет, вы ошиблись. Неподалеку от Пушкинской площади, сзади самого современного в то время кинотеатра «Россия» в одном из дворов старой Москвы на Рождественском бульваре в старинном одноэтажном доме, оклеенном внутри дешевыми обоями, как раз и находился мой Главк. Конечно, вывеска на черном стекле золотыми буквами была. Но висела она за выступом стены и практически никому не была видна.

Каждое утро я являлся сюда на работу, садился за большой письменный стол спиной к окну и просматривал толстую пачку писем. Часто на первый взгляд письма не имели никакого смысла, но отвечать на них все равно было необходимо. К некоторым из них был прицеплен красный клочок бумаги размером чуть больше почтовой марки. Это означало, что письмо на контроле у министра и его рассмотреть необходимо немедленно. Бывало, что в письме писалась вполне обоснованная просьба, но помочь не было никакой возможности. Тогда следовало написать отписку. Проблема рассасывалась, как нарыв под чудодейственной мазью Вишневского.

Иногда возникала необходимость разобраться на месте с возникшими обстоятельствами. В этом случае меня направляли в командировку.

Об одной такой командировке я и хочу вам поведать.

Причиной командировки явился фельетон в газете «Сельская жизнь» с громким названием «Головоотяпство в Костромской области».

Прежде всего, я прочитал фельетон. В нем говорилось о напрасно истраченных государственных деньгах в значительных размерах и исчислявшихся в миллионах рублей.

Здесь следует разъяснить, что в те времена деньги были двух видов: наличные – которыми выплачивали заработную плату гражданам, и на которые эти граждане покупали все, что можно купить, и безналичные – которые существовали только на счетах предприятий и банки списывали их со счетов одного предприятия и заносили на счет другого, как оплату товаров и услуг. Простым гражданам за эти деньги купить ничего было нельзя. Этих денег в банковских оборотах было на два порядка больше. Можно было бы рассказать о том, что случилось, когда безналичные деньги стали активно обналичивать, но это уже отдельный сюжет, и я на нем останавливаться не буду. Скажу только, что из-за этого произошла большая беда, но это случилось совсем в другое время.

«Вернемся к нашим баранам», – как было принято говорить в те годы. На территории Костромской области было построено около ста пятидесяти бетонных сенажных башен. Их спроектировали по образцу башни, широко использовавшейся в штате Техас (США). Башни эти хорошо зарекомендовали себя в южных районах России. В них отлично сохранялся высоковитаминизированный и отлично усваиваемый коровами корм. В условиях суровой зимы Костромской области сенаж в башнях промерзал насквозь, и использовать его в качестве корма скоту было невозможно. Кроме того под нагрузкой от толстого слоя снега тонкие алюминиевые купола башен разрушались. Кто придумал и добился разрешения на строительство башен, не изучив должным образом возможность их применения в северных районах России, комиссии, направленной в Кострому, и следовало разобраться. Я входил в состав этой комиссии

от «Госкомсельхозтехники» РСФСР. Многим позднее я узнал, что на строительстве сенажных башен защитил кандидатскую диссертацию первый заместитель Костромского обкома КПСС Суслов.

Перед отъездом в командировку я получил инструкции от самого министра товарища Босенко А. И. В нескольких словах можно отметить, что нужно по возможности замять скандал. Строительный трест «Росбашняспецстрой» бывший непосредственным исполнителем монтажных работ был подведомственен «Госкомсельхозтехнике» и если там были какие-то нарушения, министру хотелось чтобы о них не узнали. Вот с такой задачей я и поехал в Кострому на день раньше назначенного для сбора комиссии дня. По приезду меня встретил мой коллега начальник управления животноводства Костромской «Облкомсельхозтехники» и сразу не заезжая никуда привез меня в обком КПСС к первому заместителю секретаря товарищу Сулову Константину Ивановичу.

Этот человек запомнился мне с первого взгляда. Я понял, что люди с такой мощной волей встречаются редко. Он не был высок, хотя и маленьким не был. Голова очень правильной формы с короткой стрижкой черных волос на могучей шее возвышалась над широкими плечами. Черные глаза его буквально сверлили собеседника. Казалось, он видит человека насквозь. Ему было немногим больше сорока, но не было даже намека на пивной живот, столь часто украшающий в этом возрасте мужчин. Нет, он не был сложен как отлет, но и лишнего жирка на нем не было.

– Босенко звонил мне, и я понял, что он на нашей стороне. Вы, разумеется, тоже? – обратился ко мне Сулов.

– Я перед выездом имел беседу с министром. Мне задача понятна. А кто против, я пока не знаю, – ответил я.

– Есть опасения, что крайне негативно настроен начальник главка виноградарства и виноделия Минсельхоза СССР Стома Александр Митрофанович. Вы прежде встречались с ним?

– Несколько раз сидел неподалеку за длинным столом в зале совещаний Совмина РСФСР. В кулуарах слышал, что он заядлый охотник, а вот выпивкой хорошей его не удивишь. Чего-чего, а вина марочного и коньяков отменных ему привезут. Насколько известно он и семьянин хороший, – добавил я.

– Хороших мужей не бывает. Бывают недостаточно хорошие бабы, – улыбнулся Сулов, – а что охотник и, наверное, рыбак, за информацию спасибо. Вы уже устроились? Да не важно, будете жить в гостинице обкома, Там приятное обслуживание. Он позвонил секретарше и велел устроить гостя.

Гостиница обкома была по-домашнему маленькой двухэтажной с толстыми кирпичными стенами, высокими лепными потолками и прочими архитектурными излишествами присущими зданиям сталинских времен. Номера почти все располагались на втором этаже, а на первом был большой буфет и холл с телевизором и бильярдом.

Очень приятная и вежливая дежурная встретила меня почти у входа. Она явно ждала именно меня.

– Вас устроит простой одноместный номер? – спросила она.

– Конечно, устроит, – ответил я.

– Сколько вы у нас пробудите?

– Надеюсь, что не больше чем до конца этой недели.

– За пять дней с вас ровно два рубля.

– Вы не ошиблись?

– Да нет, все правильно, по сорок копеек в сутки. С завтраком и ужином. Обед по желанию за отдельную плату.

Невероятно, койка в двухместном номере с туалетом в конце коридора обычно в провинциальной гостинице стояла в эти годы от рубля восемьдесят копеек до двух с полтиной и оплачивалась командировочным по предъявлении квитанции. А тут сорок копеек с завтраком и ужином. Чудеса!

– Вы поторопитесь и успеете еще позавтракать. Завтрак с 7 часов до половины двенадцатого, – сказала дежурная. Я, не раздумывая, отправился в буфет.

Здравствуйте, вы у нас новый постоялец? – спросила буфетчица.

– Да, новый, – ответил я.

– Берите все что угодно и в любых количествах. У нас здесь наподобие шведского стола. Приятного аппетита.

Я взял из высокой стопки большую тарелку и положил всего понемногу. Получился обильный и вкусный завтрак. В довершение я налил из заграничной кофемашины чашку кофе и положил две ложки сахара. К кофе взял бутерброд с красной икрой, хотя были бутерброды и с черной.

Я позавтракал, сказал буфетчице спасибо и со смешанным чувством удивления и смущения отправился в «Облкомсельхозтехнику». Ужин оказался еще роскошнее завтрака. К нему полагалось вино, коньяк или водка тоже в неограниченном количестве. Кажется, здесь уже наступил коммунизм.

В Управлении механизации животноводства к этому времени собрались почти все члены комиссии по расследованию фельетона в «Сельской жизни». Не хватало только Стомы. Он должен был приехать ночью и приступить к работе завтра.

Все, включая представителя областного управления сельского хозяйства, дружно желали замять надвигающийся скандал. Решение тактики было выбрано стандартное. Комиссию поехать по районам Костромской области, ознакомить с передовыми хозяйствами, обеспечить надлежащим питанием и организовать интересный досуг. Была запланирована рыбалка в глухом боровом озере в Сусанинском районе. Именно в тех местах Иван Сусанин завел в дремучий лес поляков, погиб сам и погубил врагов.

Это совещание наскоро провел начальник управления механизации и предложил съездить пообедать и посмотреть достопримечательности Костромы.

Обедали в каком-то ресторане, войдя в него со служебного входа в специально оборудованном зале не для простых людей. За обед платить, вообще не пришлось. Официантка произнесла магические слова: «Распорядился Константин Иванович». Сказала она это шепотом, как бы сообщая государственную тайну. Потом долго катались на двух «волгах» по городу.

Кострома – старинный русский город не многим моложе Москвы. В нем на крутом берегу Волги довольно компактно расположился исторический центр с одной из главных достопримечательностей – торговой площадью. Костромичи называют ее сковородкой. Здесь сохранились торговые ряды со времен царствования Василия Темного – отца Ивана грозного. Потом мы посетили живописный городской парк на берегу, побродили по его аллеям и, насладившись благолепием старинного города, вернулись в гостиницу.

Утром опять состоялось короткое совещание теперь в кабинете первого секретаря обкома Сулова. Было предложено выехать по районам. Это вполне устраивало Стому желавшего все увидеть своими глазами.

В этот день мы проехали добрых две сотни километров по пересеченной местности приущей центральным областям России, любовались из окон автомобилей красотами смешанных хвойно-лиственных лесов, просторных полей с посадками картофеля и необъятных лугов. Мимо нас пробежало около десятка деревень с бедными крестьянскими подворьями, колхозные животноводческие фермы все как на одно лицо выкрашенные известью, Несколько водонапорных башен с гнездами аистов на вершине. Было начало июня, и птенцы только-только выпупились из яиц. Родители беспрестанно таскали птенцам еду. Было забавно смотреть, как

маленькая птаха открывала огромный рот и поглощала то лягушонка, то червяка. Проехали мы и мимо нескольких сенажных башен с провалившимися внутрь алюминиевыми куполами, но Стома наудачу в это время смотрел в другую сторону и башен не заметил. В каком-то районном центре мы пообедали с выпивкой для поднятия аппетита. Армянский коньяк был великолепен. Я обратил внимание, что на дверях висела табличка: «Ресторан закрыт на спец. обслуживание». Кроме нашей группы действительно здесь никого не было. Опять прозвучало магическое: «Константин Иванович» и мы уехали не расплатившись.

Стома ужинать в обкомовской гостинице не пошел. Он попросил в номер два стакана чая и пачку крекера «Молодость». Он здорово устал от поездки и сразу лег.

Я и мой коллега из «Росбашняспецстроля» весь остаток вечера просидели в холле возле телевизора и тоже довольно рано отправились на ночлег.

В аналогичных поездках мы провели еще несколько дней. Нам показали комплекс крупного рогатого скота на 1200 голов. Животноводческие помещения в это время были пусты. Скот кормился на выпасах где-то неподалеку. В стойлах было чисто и пахло свежей известью.

За дни этих непонятно зачем организованных поездок Стома очень устал и ко всему проявлял явное безразличие.

Наступил четверг. Нас повезли в Сусанинский район. Это оказалось далеко, и туда вела очень плохая дорога. Но зато глушь первобытная. Точнее не скажешь. Среди вековых еловых лесов, как в сказке вдруг явился взору крошечный поселок бывший рай. центром. Нас встретила миловидная женщина на вид лет 28—30. Сколько ей было на самом деле, я так и не узнал. Она оказалась секретарем райкома КПСС Сусанинского района. Она сразу повела нас обедать, что было очень кстати. За дорогу мы все изрядно проголодались. За обедом мы немного выпили. В этот раз не удержался и Стома. Был подан французский коньяк «Мартель». Каким образом такой редкий даже для столицы напиток оказался здесь в костромской глуши, тоже осталось загадкой.

После обеда нас повезли на рыбалку. Собственно никакой рыбной ловли не было. Рыбу наловили специально для нас заранее, и хороший повар из ресторана сварил патриаршую уху из озерной рыбы на курином бульоне. Такое я ел впервые в жизни.

Вокруг Стомы гоголем кружилась секретарь райкома, довольно открыто предлагая ему свою красоту. Пожилой начальник Главка виноградарства как-то быстро захмелел и совсем не отвечал на ухаживания красавицы. Незаметно для подвыпившей компании он задремал, и некоторое время спустя захрапел.

Секретарь уже готовая к мужским ласкам попыталась ухлестнуть за мной. Я объяснил ей, что я и так на вашей стороне и мне этого не нужно, но могу быть ей другом. Мы отошли от костра и скрылись от посторонних глаз в вечерних сумерках. Нэля, так звали секретаря расплакалась. «Меня теперь съедят. Я партийное задание не выполнила. Я должна была со Стомой переспать», – сквозь слезы говорила она.

– Не огорчайся, я думаю, все и так обойдется. Предчувствие у меня.

– Ох! Не знаю, для моей карьеры это, скорее всего, конец. С этими словами она перестала плакать, как-то вся собралась и вновь стала секретарем райкома, – Пойдем, нас могут хватиться. Мне совсем не нужно лишних разговоров.

В свою гостиницу мы попали за полночь. В кофемашине удалось нацедить кофе и с этим отправиться спать.

Утром в управлении механизации животноводства нам принесли на подпись справку о состоянии дел по фактам, отмеченным в газете «Сельская жизнь». Большинство членов комиссии подписали ее без вопросов.

Александр Митрофанович Стома сидел возле стола, и его терзала единственная мысль: «Если я сейчас не выпью крепкого чая, то умру». Но обстоятельства вынуждали его терпеливо сидеть.

В кабинет вошел Константин Иванович Сулов. Глаза его светились весельем и здоровьем.

«Александр Митрофанович, подпишите справку и поедем завтракать», – весело и небрежно произнес он.

Стома, не открывая глаз, подмахнул документ.

– Спасибо больше ничего не нужно мы сделаем копии, – добавил Сулов.

Все с величайшим облегчением отправились куда-то на противоположный берег Волги в музей под открытым небом русского деревянного зодчества, где был деревянный стилизованный под терем ресторан. После еды мы поехали в Москву. Почему-то не было билетов на поезд и нас отправили в обкомовских «волгах».

Я жил в самом центре и меня высадили два водителя последним.

– Ребята, передохните немного после такой длинной дороги, – предложил я.

– Нет, что вы, нам к восьми нужно вернуться обязательно. Иначе не сносить головы. В обкоме с этими делами строго. Ой, да там, на дорогу дали целый лоток копченых цыплят. Возьмите, они обратную дорогу не выдержат. Могут испортиться, – шофер открыл багажник и вынул лоток с курами. Я поднялся в квартиру, вывалил цыплят на кухонный стол и отнес лоток. Костромичи уехали. Потом моя семья питалась этими цыплятами почти пол месяца.

Я доложил начальству, что командировка прошла успешно, и погрузился в рутину накопившихся за неделю писем. Жизнь вернулась в старое русло.

Спустя полгода у нас в «Госкомсельхозтехнике» РСФСР появился новый заместитель министра Сулов Константин Иванович.

САМОЕ ПЕРВОЕ ВОДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Мне не было тогда еще пятнадцати лет. Я учился в техникуме и вышел на практику, сдав весеннюю сессию. Практика моя проходила в Физико-Энергетическом институте в городе Обнинске. Здесь была построена первая в мире атомная электростанция. Станция была экспериментальная и серьезного значения в энергосистеме страны не имела. На ее реакторах велись сложные для того далекого времени эксперименты. Но здесь речь не о том.

В первый день практики я оказался среди группы физиков, которые только что вернулись из отпуска. Они большой компанией сплавились на байдарках по реке Угре и теперь показывали свои фотографии. Саша Поплавский плавал вместе со всеми на маленькой резиновой лодочке, был байдарочником обузой, но его веселый нрав с лихвой покрывал плохие ходовые качества его плавсредства. Фотографий с Поплавским на его надувнушке было больше всего. Румяные и веселые молодые ученые увлекательно комментировали эти фотографии и после каждого рассказа дружно хохотали. Я как-то сразу пришелся в их компании ко двору и тоже смеялся вместе со всеми.

Руководителем моей практики был именно Поплавский – балагур и весельчак. Он сразу предложил мне построить универсальный стабилизированный источник питания для всевозможных электронных устройств, которые использовали физики в экспериментах. Я работал без устали и через три дня прибор был готов. Я так старался вовсе не из-за чрезмерной любви к электронике, хотя любил и неплохо знал эту дисциплину. Мне хотелось договориться с Поплавским, прогулять практику и вместо этого со своими братьями Иваном и Егором совершить байдарочный многодневный поход вверх по течению реки Лужи. У нас была надежда дойти до ее истока, который находился где-то за пределами Калужской области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.